

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 34

1983

Юлия ДРУНИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

МЫ
ОБЕТАМ ВЕРНЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 34

Юлия ДРУНИНА

МЫ ОБЕТАМ ВЕРНЫ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Юлия ДРУНИНА

Юлия Владимировна Друнина родилась в Москве, в учительской семье.

В сорок первом году ушла из 10-го класса средней школы на фронт.

Была батальонным санинструктором в пехоте, санинструктором в самоходном артополку, стрелком авиавооружения (последнее — на Дальнем Востоке). Дважды ранена, награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Демобилизована по ранению в конце сорок четвертого года. В 1952 году окончила Литературный институт имени А. М. Горького.

Автор около тридцати сборников стихов и книги прозы. За заслуги перед советской литературой награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

За книгу стихов «Не бывает любви несчастливой» удостоена Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

*Я порою себя ощущаю связанной
Между теми, кто жив и кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут, торопясь,
Все тесней эта связь, все прочней эта связь.
Я — связанная. Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя остался мой стих —
Из котлов окружений, пропастей поражений
И с великих плацдармов победных сражений.
Я — связанная. Бреду в партизанском лесу,
От живых донесенье погибшим несу:
«Нет, ничто не забыто, нет, никто не забыт —
Даже тот, кто в безвестной могиле лежит».*

1978

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы — в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

1942

* * *

Качается рожь несжатая,
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы — девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

1942

* * *

Трубы. Пепел еще горячий.
Как изранена Беларусь!..
Милый, что ж ты глаза не прячешь? —
С ними встретиться я боюсь.
Спрячь глаза. А я сердце спрячу.
И про нежность свою забудь.
Трубы. Пепел еще горячий.
По горячему пеплу путь.

1943

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву и сотни раз во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

* * *

Кто-то бредит. Кто-то злобно стонет.
Кто-то очень, очень мало жил...
На мои замерзшие ладони
Голову товарищ положил.
Так спокойны пыльные ресницы.
А вокруг — нерусские края.
Спи, земляк. Пускай тебе приснится
Город наш и девушка твоя.

Может быть, в землянке, после боя,
На колени теплые ее
Прилегло усталой головою
Счастье беспокойное мое...

1944

* * *

Контур леса выступает резче.
Вечереет. Начало свежеть.
Запевает девушка-разведчик,
Чтобы не темнело в блиндаже.
Милый! Может, песня виновата
В том, что я сегодня не усну?..
Словно в песне, мне приказ — на запад,
А тебе — в другую сторону.
За траншеей — вечер деревенский.
Звезды и ракеты над рекой...
Я грущу сегодня очень женской,
Очень несолдатскою тоской.

1944

ЗИНКА

*Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой*

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.
— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг неожиданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет...

II

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.
Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.
Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.
Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?
Его тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав.
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.
У меня есть друзья, любимый.
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

1944

* * *

Не знаю, где я нежности училась,—
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идет в шинели молодость моя.
В моих глазах — обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет! Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страду...
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.
А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась,—
Быть может, на дороге фронтовой...
1946

* * *

Худенькой нескладной недотрогой
Я пришла в окопные края.
И была застенчивой и строгой
Полковая молодость моя.
На дорогах Родины осенней
Нас с тобой связали навсегда
Судорожные петли окружений,
Отданные с кровью города.
Если ж я солгу тебе по-женски,
Грубо и беспомощно солгу,
Лишь напомни зарево Смоленска,
Лишь напомни ночи на снегу.
1947

ТЫ — РЯДОМ

Ты — рядом, и все прекрасно:
И дождь и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.
Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти,
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.
Мы—рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете.
1959

* * *

Я, признаться, сберечь не сумела шинели —
На пальто перешили служивую мне:
Было трудное время... К тому же хотели
Мы скорее забыть о войне.
Я пальто из шинели давно перешила,
Подарила я дочке с пилотки звезду.
Но коль сердце мое тебе нужно, Россия,
Ты возьми его, как в сорок первом году!

1953

НАКАЗ ДОЧЕРИ

Без ошибок не прожить на свете,
Коль весь век не прозябать в тиши.
Только б, дочка, шли ошибки эти
Не от бедности — от щедрости души.
Не беда, что тянешься ко многому:
Плохо, коль не тянет ни к чему...
Не всегда на верную дорогу мы
Сразу пробиваемся сквозь тьму.
Но когда пробьешься — не сворачивай
И на помощь маму не зови...
Я хочу, чтоб чистой и удачливой
Ты была в работе и в любви.
Если горько вдруг обманет кто-то,
Будет трудно, но переживешь,
Хуже, коль «полюбишь» по расчету
И на сердце приголубишь ложь.
Ты не будь жестокой с виноватыми,
А сама виновна — повинись.
Все же люди, а не автоматы мы,
Все же не простая штука — жизнь...

1960

* * *

Мы любовь свою схоронили.
Крест поставили на могиле.
— Слава богу! — сказали оба...
Только встала любовь из гроба,
Укоризненно нам кивая:
— Что ж вы сделали? Я — живая!

1960

ЖЕНАМ — ЖДАТЬ

Женам — ждать. Что ж, им привычно это.
Ждать с собраний, со свиданий и с войны.
Женам — ждать. Мужьям — задерживаться где-то:
Такова «профессия» жены.
Ждать. Метаться из угла да в угол.
С нетерпением, со страхом и с тоской...
Если женщина и вправду лишь супруга —
Трудно ей с «профессией» такой.

1960

КТО ГОВОРИТ, ЧТО УМЕР ДОН-КИХОТ?

А. К.

Кто говорит, что умер Дон-Кихот?
Вы этому, пожалуйста, не верьте —
Он неподвластен времени и смерти,
Он в новый собирается поход.
Пусть жизнь его невзгодами полна —
Он носит раны, словно ордена!
А ветряные мельницы скрипят,
У Санча Пансы безразличный взгляд —
Ему-то совершенно не с руки
Большие, как медали, синяки.
И знает он, что испокон веков
На благородстве ловят чудаков,
Что прежде, чем кого-нибудь спасешь,
Разбойничий получишь в спину нож.
К тому ж спокойней дома, чем в седле...
Но рыцари остались на земле!
Кто говорит, что умер Дон-Кихот? —
Он в новый собирается поход!
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?

1960

* * *

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
Ведь нам подрастать на войне довелось...
А нынче сменили нас девочки рослые
Со взбитыми космами ярких волос.

Красивые, черти!.. Мы были другие —
Военной, голодной поры малыши.
Но парни, которые с нами дружили,
Считали, как видно, что мы хороши.
Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазы, тощие, мы хорошили
И верили: это — на целую жизнь.
Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.
И можно ли ставить любимым в вину.
Что нравятся девочки им длинноногие.
Которые только рождались в войну?
И правда, как могут не нравиться весны,
Цветение, первый полет каблучков
И даже сожженные краскою космы,
Когда их хозяйкам семнадцать годков?
А годы, как листья осенние, кружатся.
И кажется часто, ровесницы, мне —
В борьбе за любовь пригодится нам мужество
Не меньше, чем на войне!

1962

ПАМЯТИ ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

Прозрачных пальцев нервное сплетенье,
Крутой излом бровей, усталость век,
И голос — тихий, как сердцебиенье,—
Такой ты мне запомнилась навек.
Была красивой — не была счастливой,
Бесстрашная — застенчивой была...
Политехнический. Оваций взрывы.
Студенчества растрепанные гривы,
Поэты на эстраде, у стола.
Ну, Вероника, сядь с ведущим рядом,
Не грех покрасоваться на виду!
Но ты с досадой морщишься: «Не надо!
Я лучше сзади, во втором ряду».
Вот так всегда: ты не рвалась стать «первой»,
Дешевой славы не искала, нет,
Поскольку каждой жилкой, каждым нервом
Была ты божьей милостью поэт.
БЫЛА! Трагичней не придумать слова,
В нем безнадежность и тоска слились.
Была. Сидела рядышком... И снова
Я всматриваюсь в темноту кулис.

Быть может, ты всего лишь запоздала
И вот сейчас на цыпочках войдешь,
Чтоб, зашептавшись и привстав, из зала
Тебе заулыбалась молодежь...
С самой собой играть бесцельно в прятки,
С детсада я не верю в чудеса:
Да, ты ушла. Со смерти взятки гладки.
Звучат других поэтов голоса.
Иные голосистей. Правда это.
Но только утверждаю я одно:
И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено,—
Твой голос — тихий, как сердцебиенье.
В нем чувствуется школа поколенья,
Науку скромности прошедших на войне —
Тех, кто свою «карьеру» начинали
В сырой землянке — не в концертном зале,
И не в огне реклам — в другом огне...

1965

* * *

Три дня и четыре ночи —
Много ли это, мало?
Были они короче
Грозных секунд обвала,
Когда никуда не скрыться,
Когда никуда не деться
От каменного убийцы,
Что вот-вот раздавит сердце.
Три дня и четыре...
Вспомни —
Много ли это, мало?
Были они объемней
Жизни иной, пожалуй,
Замешано было круто
В них счастье с приправой боли —
Неполных четверо суток
Наедине с тобою...

1971

МОЙ ОТЕЦ

Нет, мой отец погиб не на войне —
Был слишком стар он, чтобы стать солдатом.
В эвакуации, в сибирской стороне,
Преподавал он физику ребятам.

Он жил, как все. Как все, недоедал.
Как все, вздыхал над невеселой сводкой.
Как все, порою горе заливал
На пайку хлеба выменной водкой.
Ждал вести с фронта — писем от меня,
А почтальоны проходили мимо...
И вдалеке от дыма и огня
Был обожжен войной неизлечимо.
Вообще-то слыл он крепким стариком —
Подтянутым, живым, молодцеватым.
И говорят, что от жены тайком
Все обивал порог военкомата.
В Сибири он легко переносил
Тяжелый быт, недосыпанье, голод.
Но было для него превыше сил
Смиряться с тем, что вновь мы сдали город.
Чернел. А в сердце ниточка рвалась —
Одна из тех, что связывает с жизнью.
(Мы до конца лишь в испытанья час
Осознаем свою любовь к Отчизне.)
За нитью — нить. К разрыву сердце шло.
(Теперь инфарктом называют это...)
В сибирское таежное село
Вползло военное второе лето.
Старались сводки скрыть от старика,
Старались — только удавалось редко.
Информбюро тревожная строка
В больное сердце ударяла метко.
Он задышался в дыме и огне,
Хоть жил в Сибири — самом центре тыла...
Нет, мой отец погиб не на войне,
И все-таки война его убила.

1973

* * *

Все зачеркнуть. И все начать сначала,
Как будто это первая весна.
Весна, когда на гребне нас качала
Хмельная океанская волна.
Когда все было праздником и новью —
Улыбка, жест, прикосновение, взгляд...
Ах, океан, зовущийся Любовью,
Не отступай, прихлынь, вернись назад!

1973

* * *

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...
И бойцы вокруг нее толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать — это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...
Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.
Вздрыгнет он и отойдет к окошку,
Закурить пытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко —
В сорок первом он сейчас году.
Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...

1974

ПРИНЦЕССА

Лицо заострила усталость,
Глаза подчеркнула война.
Но всем в эскадроне казалась
Прекрасной принцессой она.
Пускай у «принцессы» в косички
Не банты — бинты вплетены,
И ножки похожи на спички,
И полы шинельки длинны!
В палатке медпункта, у «трона»,
Толпились всегда усачи.
«Принцессу» ту сам эскадронный
Взбираться на лошадь учил.
Да, сам легендарный комэска
Почтительно стремя держал!
Со всеми суровый и резкий,
Лишь с нею шутил генерал.

...А после поход долгожданный,
Отчаянный рейд по тылам,
И ветер — клубящийся, рванный,
С железным дождем пополам.
Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Как надо держалась в седле.
Она и не помнила время,
Когда (много жизней назад!)
Ей кто-то придерживал стремя,
Пытался поймать ее взгляд.
Давно уже все ухажеры
Принцессу считали сестрой.
...Шел полк через реки и горы —
Стремительно тающий строй.
Припомнят потом ветераны
Свой рейд по глубоким тылам.
И ветер — клубящийся, рванный,
С железным дождем пополам.
Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Вдруг резко качнулась в седле.
Уже не увидела пламя,
Уже не услышала взрыв.
Лишь скрипнул комэска зубами,
Коня на скаку осадив...
В глуши безымянного леса
Осталась она на века —
Девчушка, дурнушка, принцесса,
Сестра боевого полка.

1976

ВСТРЕЧА

Со своим батальонным повстречалась сестра —
Только возле прилавка, а не возле костра.
Уронил он покупки, смяла щеки она:
Громыкая, за ними снова встала Война.
Снова тащит девчонка командира в кювет,
По спящему снегу алый тянется след.
Оглянулась — фашисты в полный двинулись рост...
— Что ж ты спишь, продавщица? — возмущается хвост.

Но не может услышать этот ропот она,
Потому что все громче гроыхает Война,
Потому что столкнулись, как звезда со звездой,
Молодой батальонный с медсестрой молодой.

1976

ПОСЕЛОК СМИРНЫХ

В лесу, на краю дороги,
В лесу, на краю страны,
Задумчивый, юный, строгий
Стоит капитан Смирных.
Змеится дороги лента,
КамАЗы в лесхоз спешат.
С гранитного постамента
Не может сойти комбат.
Но помнят доныне сопки
Команду его — «Вперед!».
Отчаянным и коротким
Был бой за японский дот...
Все той же дороги лента
И августа синий взгляд.
Лишь сдвинуться с постамента
Не может теперь комбат.
Сквозь строй ветеранов-елок
Он смотрит и смотрит вдаль —
На тихий лесной поселок,
Которому имя дал.

1977 г. Сахалин

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

Только буки да грабы, только грабы да буки
Тянут к солнцу сплетенные намертво руки.
Черный лес, обжигающий холодом лес,
Под шатром добела раскаленных небес.
Тишина. Только ветра притушенный ропот.
Тишина. Заросли партизанские тропы,
Заросли держидеревом и купиной.
Тишина. Отчего же здесь веет войной?
Отчего эти старые грабы и буки
Заломили свои узловатые руки?
Отчего даже в светлый напев ручейка

Заронила гнетущую ноту тоска?..
А в глубоком ущелье, у быстрой воды
Обелиск со звездой да землянок следы.
То с Великой Войны запоздавшая весть —
Партизаны свой госпиталь прятали здесь.
Только буки да грабы, только грабы да буки,
Защищая, простерли над лагерем руки.
В черном море деревьев горя горького остров —
Косит раненых смерть, ели держатся сестры.
И губами распухшими чуть шевеля,
Здесь тебя призывают, Большая Земля..
Раз в ночи, когда месяц стоял в карауле,
То ли свистнула птица, то ли чиркнула пуля.
И сейчас же, во все прокопченное горло,
Хрипло рывкнули пушки, охнув, вздрогнули горы.
И тогда, задыхаясь от радостных слез,
«Наши!» — крикнул слепой обгоревший матрос.
Но, узнав пулемета нерусского стук,
Вдруг рванулся к винтовке разведчик без рук,
Вдруг рванулась куда-то связистка без ног,
И заслон медсестер самым первым poleg..
Только буки да грабы, только грабы да буки
Здесь согнулись в бессилии, ярости, муке.
Только плачут холодные капли дождя,
Только люди бледнеют, сюда забредя.
Черный лес. Партизанский обугленный лес
Под сияющим куполом мирных небес...

1977

ПОД СВОДАМИ ДУШИ ТВОЕЙ ВЫСОКОЙ

Памяти Сергея Орлова

* * *

Я в этот храм вступила ненароком,
Мне попросту в дороге повезло.
Под сводами души твоей высокой
Торжественно мне было и светло.

Сквозь суету, сквозь горести, сквозь годы —
Твой опаленный, твой прекрасный лик.
Но нерушимые качнулись своды,
И рухнули в один ничтожный миг...

* * *

Ты умер, как жил — на бегу, на лету.
С портфелем в руке, с сигаретой во рту.
Наверно, в последнем секундном аду
Увидел себя в сорок третьем году —
В пылающем танке, в ревущем огне —
И, падая, понял: убит на войне.

* * *

Кто-то тихо шептал твое имя,
Кто-то выдохнул: «Значит, судьба...»
Холод лба под губами моими,
Смертный холод высокого лба.
Я не верю нивчерта, ни в бога,
Но о чуде молилась в тот час...
Что ж ты сделал, Сережа, Серега? —
Самый смелый и добрый из нас.
Как ты дал себя смерти осилить,
Далеко до зимы не дойдя?..
Провожала солдата Россия
Ледяными слезами дождя.
Осень шла в наступление люто —
Вот-вот бросит на кладбище снег...
От прощального грома салюта
Лишь не вздрогнул один человек...

* * *

Нет, я никак поверить не могу,
Что ты на том — нездешнем берегу,
Куда слова мои не долетят,
И даже матери молящий взгляд,
И даже вскрик отчаянный жены
Теперь к тебе пробиться не вольны.

А я все так же, так же, видит бог,
Хватаю трубку, услыхав звонок,
Как будто бы из черной пустоты
Вдруг позвонить на землю можешь ты...

* * *

Что же делать? Чем дальше, тем горше.
Я смирился с бедой не могу.

Ты — внезапною судорогой в горле,
Ты — сверлящею болью в мозгу.
Ночь, костер нашей дружбы потушен.
Я одна в темном лесе опять.
Для того лишь нашла твою душу,
Чтоб навеки ее потерять...
Без костра в темном лесе мне страшно,
Вот-вот хлынет лавина огня.
Словно танка враждебного башня,
Притаившись, глядит на меня...

* * *

Плечи гор плотно-плотно туман окутал.
Здесь бродил ты лишь год назад...
Хорошо, что тебя провожали салютом,—
Ты был прежде всего

Солдат.

Море хмуро, вода отликает сталью,
Тих рассеянный странный свет...
Хорошо, что над гробом стихи читали,—
Ты был прежде всего

Поэт.

Ах, как Времени быстро мелькают спицы,
Как безжалостно мчится век!..
Хорошо, что так много пришлось проститься,—
Ты был прежде всего

Человек.

* * *

На Вологодчине есть улица Орлова,
Со стапелей там сходит теплоход
«Сергей Орлов», звучит поэта слово...
Вот только в дверь мне он не звякнет снова,
И, пряча в бороду улыбку, не войдет.
Уже не станем с ним до хрипа спорить,
Читать стихи, глушить (не только!) чай.
Один лишь раз друзьям принес он горе —
Убил своим уходом невзначай.

* * *

Вологодский говорок певучий,
Над резными домиками дым.

Звезды, протаранившие тучи,—
Две с орбит сошедшие звезды.
Только две. Их не видала ране.
Может, родились они вчера?
Как бинты на незажившей ране —
Считанные эти вечера.
Тропка к речке. Прорубь. Бездорожье.
Отступает боль, светлеет грусть.
Это руки протянул Сережа,
Подарил мне Северную Русь.
Подарил мне над Шексною тучи,
Две с орбит сошедшие звезды.
Вологодский говорок певучий,
Вьюги заносящие следы...

* * *

Теперь я увижу не скоро,
Сергей, Белозерье твое,
Где женщины, словно жонглеры,
Шестами полощут белье —
Красиво, уверенно, смело
Площут белье в прорубях.
Где гуси над озером Белым
Тревожно и грустно трубят.
(Куда вы летите, куда же?
Меня прихватите с собой!)
Здесь «Здравствуйте!» — ласково скажет
Приезжему встречный любой.
Здесь мальчик с глазами, как блюда,
Вдруг мне подарил туесок.
Здесь в детство Сережи вернуться
Мне было дано на часок...

* * *

Загрустив однажды почему-то,
«Есть ли дружба?» — ты меня спросил.
Эх, Сергей! Когда б хоть на минуту
Выходили люди из могил!
Ты забыл бы о любой обиде,
Ты б ничьей не вспоминал вины,
Потому что с нежностью б увидел,
Как тебе товарищи верны!

* * *

Задыхаясь, рычит грузовик разъяренный,
А солдаты веселую песню поют.
Тесно мальчикам в кузове,
Как в обойме патронам:
Показалось — Сергей,
Показалось — он тут.
В чудеса я не верю, конечно, но все же,
Замерев, с колотящимся сердцем стою...
Полыхнул голубыми глазами Сережа
И умчался в армейскую юность свою.
Тот же чуб, тот же лоб,
Тот же взгляд у солдата,
Как две капли воды на тебя он похож...
Ты не встретишь, Сергей, юбилейную дату,
И к столу, где товарищи, не подойдешь.
Мы хороним друзей, нас осталось немного,
Но деремся еще на переднем краю...
Полыхнул голубыми глазами Серега
И умчался в армейскую юность свою.

* * *

Снова жизнь, снова цепь атак.
Пред тобой в долгу навсегда,
Я верна нашей дружбе так,
Как орбите своей звезда.
По тебе свой сверяю шаг
И любую свою строку.
Ты мне нужен, как нужен стяг,
Чтоб остаться полком полку.

* * *

Догоняет война тех, кто мне всех дороже.
И напрасно я другу шепчу: — Борись!.. —
С пульей в сердце на землю упал Сережа,
И с тяжелым раненьем лежит Борис.
Поколение уходит опять. Рановато...
Обрывается вновь за струною струна.
Что поделаешь, если только отпуск солдатам,
Только длительный отпуск дала война?

1977—1983

* * *

На улице Десантников живу,
Иду по Партизанской за кизилом.
Пустые гильзы нахожу во рву —
Во рву, что рядом с братскою могилой.
В глухом урочище туман, как дым,
В оврагах расползается упрямо.
Землянок полустертые следы,
Окопов чуть намеченные шрамы.
В костре сырые ветки ворошу,
Сушу насквозь промоченные кеды,
А на закате в городок спешу —
На площадь Мира улицей Победы.

1978

* * *

Снег намокший сбрасывают с крыши,
Лед летит по трубам, грохоча.
Вновь на Пушкинском бульваре слышу
Песенку картавую грача.
Что еще мне в этом мире надо?
Или, может быть, не лично мне
Вручена высокая награда —
Я живой осталась на войне?
Разве может быть награда выше?
Много ли вернулось нас назад?..
Это счастье — вдруг сквозь сон услышать,
Как капли в дверь Весны стучат!

1978

* * *

День начинается с тоски —
Привычной, неотвязной, жгучей.
Коснуться бы твоей руки
И куртки кожаной скрипучей.
Плеча почувствовать тепло,
Закрывать глаза, и на минутку
Забыть, что прахом все пошло,
Забыть, что жить на свете жутко...

1980

* * *

Как тоскуют в ночи поезда,
Пролетая угрюмый Сиваш!..
Я тебя никогда не предам,
Ты меня никогда не предашь.
Потому что сквозь жизнь пронесли
Кодекс верности, дружбы устав.
Как тоскуют в ночи корабли,
Так тоскуют уста об устах.
В облаках, затерявшись из глаз,
Одинокий грустит самолет..
Знаю, жизнь нас обоих предаст —
Так простим же ее наперед!

1980

ТОВАРИЩУ

Что ж, и мы, как все на свете, бренны.
По-солдатски нужно встретить смерть.
Уходить с достоинством со сцены —
Это тоже надобно уметь.
Прожито немало — слава богу!
Было плохо, было хорошо.
Выпьем же, товарищ, на дорогу,
Наливай, ровесник, «посошок»!

1980

* * *

Бывают такие секунды,
Когда, как на фронте, в бою,
Ты должен подняться, хоть трудно
Покинуть траншею свою.
Хотя отсидеться бы проще —
Никто ведь не гонит вперед..
Но гордость солдатская ропщет,
Но совесть мне жить не дает.
Но сердце забыть не сумело —
Бесчестие хуже, чем смерть.
На бруствер, за правое дело
И страшно и сладко взлететь.

Люблю иступленно и чисто
Страну непростую свою,
Считаю себя коммунистом,
Хоть в партии не состою.

1980

* * *

Что горше разлуки, что вечной разлуки страшнее?..
Но хочется мне потерявшим любимых шепнуть:
Боритесь с тоскою, сражайтесь, как можете, с нею,
Друзьям улыбайтесь, хотя разрывается грудь.
Есть высшая гордость — окоп никогда не покинуть,
Быть в списке бойцов, если даже убит наповал.
Есть высшая гордость — навеки остаться такими,
Какими бы видеть вас тот, кого нету, желал...

1981

«КУЗНЕЧИК»

Худые коленки и плечи,
Лица заостренный овал —
Дитя, попрыгунья, кузнецик,
Семнадцатый год миновал.
Но с женской — не детской — тоскою
По-взрослому горько твердит:
— Зачем родилась я такою? —
Твердит, как рыдает навзрыд.
— А чем тебе, девочка, плохо?
Мила, неглупа и юна...
— Рожденная в эту эпоху,
В другие живу времена.
Все снятся мне ваши комбаты,
Герои Великой войны.
Юнцы-«модерняги» с Арбата
В сравнении с ними смешны...
— Ты слишком, дружок, резковата, —
Не все «модерняги» смешны...
— Но снятся мне ваши комбаты,
Герои Великой войны.
Мужчины, с которыми рядом
Любая беда не страшна.

Прошу вас, смеяться не надо,
Хотя я, должно быть, смешна.—
И дрогнули узкие плечи,
Потупилась, прядь теребя...
Совсем не смешно мне, кузнечик,
Я так понимаю тебя!

1981

* * *

Редко подолгу сержусь на кого-то —
Сердце не помнит вины.
Слишком высокие точки отсчета
Жизнью мне были даны.
Голову в тесном застолье не вскружат
Тосты красивые мне.
Точка отсчета — солдатская дружба,
Что не горела в огне.
Неуязвима я. Взгляды косые
Не задевают меня.
Высшая точка отсчета —

Россия

В грозных объятьях огня.
Страх перед смертью
С тех пор мне неведом,
Справлюсь с обидой любой.
Только бы ты не обидел, не предал —
Так беззащитна любовь...

1981

* * *

Старуха, ровесница века,
В одну из торжественных дат
Сидит в помещении жэка —
Впервые пришла на доклад.
Раздумье в слезящемся взоре,
Глубоко вздыхает она
О том, что в стране Сальвадоре
Сейчас полыхает война.
Сном вечным солдатским почили
Три сына старухи подряд...
Потом о стране Кампучии
Соседи вокруг говорят.

Подкована бабка не очень,
Про страны те слышит впервой.
Но помнит горящие ночи
Далекой Второй мировой.
Она вот осталась на свете,
А мальчиков, мальчиков нет...
Глаза обжигает ей ветер
Сгоревших дымящихся лет.

1981

ГОСТЬЯ

Среди царственных пальм, на чужом берегу,
Где в конце декабря солнце в полную силу,
Появилась вдруг та, что живет на снегу,—
Елка, скромная дочка России.
Стали капать, едва огляделась вокруг,
Слезы — горькой смолой — к подножью:
«Где я? Сколько здесь новых прекрасных подруг,
Совершенно на нас непохожих!»
Но не к пальмам, а к елочке люди пришли
И одели пышней, чем царицу.
Мне казалось — кричат для нее корабли
Перед тем, как с причалом проститься.

Потому что, куда б ни бросало судьбой,
Где б по свету меня ни носило,
Ничегонет прекраснее встречи с тобой,
Боль моя, мое сердце — Россия.

1981

* * *

Стало зрение сердца острее,
Если сердце прошло через ад...
Дорогие! Миритесь быстрее —
Несущественно, кто виноват.
Я прошу вас, давайте не будем
Рвать мосты за собой сгоряча...
Почему это близкие люди
Рубят прямо по душам, сплеча?
Я прошу вас, поймите быстрее —
В битве душ победителей нет...
Стало зрение сердца острее
После всех испытаний и бед.

1981

ТЫ РАЗЛЮБИШЬ МЕНЯ...

Ты разлюбишь меня...
Если все-таки станется это,
Повториться не сможет
Наше первое смуглое лето,
Все в росе по колено,
Все в укусах крапивы.
Наше смуглое лето!
Как мы были глупы и счастливы!
Ты разлюбишь меня...
Значит, яростной крымской весной
Партизанской тропой
Не вернешься ты в юность со мною.
Будет рядом другая,
Вероятно, моложе, яснее,
Только в юность свою
Возвратиться не сможешь ты с нею.
Я забуду тебя.
Я не стану тебе даже сниться.
Лишь в окошко твое
Вдруг слепая ударится птица.
Ты проснешься и после
Не сумеешь уснуть до рассвета...
Ты разлюбишь меня?
Не надейся, мой милый, на это!

1981

СОЛНЦЕ — НА ЛЕТО

Вновь календарь эту радость принес:
Солнце — на лето, зима — на мороз.
Что мне мороз, если стало светлей
В храмах лесов, в сонном царстве полей,
Если я слышу дыханье,
Если я вижу апрельские сны?
Только одно огорчает до слез:
Сердце — на лето, года — на мороз...

1981

СТАРАЯ ЛЕНТА

Старая лента — обугленный лес,
Юный Алейников, юный Бернес.
Дочь говорит — «примитив»...
Может быть, правда в словах этих есть,
Только отвага, и верность, и честь —
Непреходящий мотив.
Их проявила на пленке война.
Как надоели мне полутона —
Словно боимся мы сильных страстей
Так, как боятся незваных гостей.
Старая лента. Обугленный лес.
«Темную ночь» напевает Бернес.
Ах, как волнует нехитрый мотив,
Как покоряет сердца «примитив»!

1982

МЫ ОБЕТАМ ВЕРНЫ

Он ползет и ползет, словно кровь по отравленным венам —
Черный ужас, который зовется «нейтронная смерть»...
Время послевоенное стало опять предвоенным —
Этой правде жестокой в глаза надо прямо смотреть.
В сорок пятом казалось — навеки прикончены войны,
Обнимались на Эльбе и в дружбе до гроба клялись.
Мы обетам верны, но уверенно, сторого, спокойно
Смотрим правде в глаза: замахнулись безумцы на жизнь.
Позабыли они, что у русских железные нервы
И высокие души... Клянусь поколением своим —
Если нас не сломали в проклятом, в святом сорок первом,
То и ныне планету от гибели мы защитим.

1982

БЕЙРУТ, БЕЙРУТ!

1

Горят дворцы и хижины Бейрута,
Опять бомбежка, снова артналет.
Как в черный саван,
В черный дым закутан,
Несчастный город спать мне не дает.

Там смотрят люди с ненавистью лютой
В небесную густую синеву.
Не та ли смерть кружится над Бейрутом,
Что сбрасывала бомбы на Москву?
Пусть не в нацистской форме —
Форме новой —
Она с детьми воюет, словно встарь.
«Фашизм» — опять воскресло это слово,
В руках убитой девочки — букварь.

2

Ливан, Ливан! По улицам руинным
Грузовики зеленые ползут.
С последними бойцами Палестины
Прощается дымящийся Бейрут.
И женщины платками машут, плача, —
Как мне понятна их святая боль!
Так что ж, фашисты победили, значит?
Проигран бой? — Нет, не проигран бой!
Уходят палестинцы за границу,
Чтоб был Бейрут израненный спасен.
Но не погасли молодые лица,
Никто не сломлен и не покорен.
В руках — оружие, а в стволах — патроны.
Жить без отчизны? Легче пастъв бою...
Уходят палестинцы за кордоны,
Чтоб воевать за родину свою!

1982

* * *

Все просят девочки: «Прочтите о любви!»
Все просят мальчики: «Прочтите о войне!»
Но эти ипостаси, как ручьи,
В одну реку давно слились во мне.
Они давно слились в реку одну,
Пускай удостоверится любой:
Читаю о любви — там про войну,
Читаю о войне — там про любовь...

1983

* * *

Снова тряского «газика» кузов,
Гололед, холодок по спине.
И опять комсомольская муза
Возвратилась в ушанке ко мне.
Не являлась в столичном уюте,
А в далекой поездке опять
На безвестных путях-перепутьях
От меня не желает отстать.
И опять по ее повеленью
Вместе ночь мы проводим без сна.
Я пишу на замерзших коленях
Все, что мне надиктует она.

1983

НОСТАЛЬГИЯ ПО ТРИДЦАТЫМ ГОДАМ

Тогда казалось — поздно родились,
Без нас отцы страну отвоевали...
Теперь-то знаю, что в тридцатых жизнь
Шла на сверхмощном боевом накале.
И над полями, где шепталась рожь,
И над рекою стали раскаленной
Гремело легендарное «Даешь!»,
К нам долетевшее из Первой Конной.
«Даешь Магнитку!» и «Даешь Кузбасс!»,
«Даешь в аэроклубы!» — целой школой.
В сердцах погодков никогда не гас
Неукротимый огонек веселый.
Царил не быт — царило бытие.
И, преданно отчизне каждым нервом,
Надело поколение мое
Шинели добровольцев в сорок первом.
Нет, вовсе мы не поздно родились —
Пусть нам теперь завидуют другие!..
Со мною об руку идет всю жизнь
По яростным тридцатым ностальгия.
По слову легендарному «Даешь!»,
К нам долетевшему из Первой Конной...
В тридцатых закалили нас, как нож
В печи закаливают раскаленной.

1983

СКОЛЬКО СТОИТ СТРАДАНИЕ?

«Дикий Запад» — мустанги, лихие ковбои,
На потертых техасах из кожи заплаты.
Я, Америка, в детстве «болела» тобою —
Романтичные Соединенные Штаты!
«Дикий Запад»! — смотрела я вестерны с дрожью,
Зачитала до дыр все творенья Майн Рида.
Не забыла, что парни Америки тоже
С нами в интербригадах дрались у Мадрида.
Только вы позабыли на Эльбе свиданье,
Поцелуи и слезы, ладонь на ладони.
Слышишь, Джонни, бейрутских детишек рыданье? —
Это жгут их твои прихлебатели, Джонни.
Не случилось такого еще на планете,
После этого как вы смеетесь, поете? —
Плачут мертвые дети, Никарагуа дети,
Что летели на сбитом тобой самолете.
Да, тобою, тобой! Отпираться не нужно:
Хоть стоишь в стороне — от убитых не скрыться...
Это ты, улыбаясь, вручаешь оружие
Всем, кто может и хочет работать убийцей.
И повсюду, повсюду, где горы и доли
Просыпаются в фосфорном жутком сиянье,
Нагло звякает доллар, кровью пахнувший доллар —
Сколько стоит страданье, сколько стоит страданье?

1983

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Я порою себя ощущаю связанной...»	3
«Я ушла из детства в грязную теплушку...»	3
«Качается рожь несжатая...»	3
«Трубы. Пепел еще горячий...»	4
«Я только раз видала рукопашный...»	4
«Кто-то бредит. Кто-то злобно стонет...»	4
«Контур леса выступает резче...»	5
Зинка	5
«Не знаю, где я нежности училась...»	6
«Худенькой нескладной недотрогой...»	7
Ты — рядом	7
«Я, признаться, сберечь не сумела шинели...»	8
Наказ дочери	8
«Мы любовь свою схоронили...»	8
Женам — ждать	9
Кто говорит, что умер Дон-Кихот?	9
«В семнадцать совсем уже были мы взрослые...»	9
Памяти Вероники Тушновой	10
«Три дня и четыре ночи...»	11
Мой отец	11
«Все зачеркнуть...»	12
«На носилках, около сарая...»	13
Принцесса	13
Встреча	14
Поселок Смирных	15
Черный лес	15
Под сводами души твоей высокой	16
«На улице Десантников живу...»	21
«Снег намокший сбрасывают с крыши...»	21
«День начинается с тоски...»	21
«Как тоскуют в ночи поезда...»	22
Товарищу	22
«Бывают такие секунды...»	22
«Что горше разлуки...»	23
«Кузнечик»	23
«Редко подолгу сержусь на кого-то...»	24
«Старуха, ровесница века...»	24

Гостя	25
«Стало зрение сердца острее...»	25
Ты разлюбишь меня...	26
Солнце — на лето	26
Старая лента	27
Мы обетам верны	27
Бейрут, Бейрут!	27
«Все просят девочки...»	28
«Снова тряского «газика» кузов...»	29
Ностальгия по тридцатым годам	29
Сколько стоит страданье?	30

Юлия Владимировна Друнина

МЫ ОБЕТАМ ВЕРНЫ

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 27.06.83. Подписано к печати 22.08.83. А 00710. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,60. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2151. Зак. № 960. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**● ФОТОЭКСПОНОМЕТРОМ ВЫСОКОГО
КЛАССА ПО ПРАВУ МОЖНО НАЗВАТЬ
«СВЕРДЛОВСК-4».**

Он определяет экспозицию двумя способами:

- по яркости объекта съемки;
- по освещенности объекта съемки.

ВАЖНАЯ ОСОБЕННОСТЬ: экспо-
нометр выполнен с индикацией по
светодиоду и не содержит промежу-
точного переноса показаний с изме-
рителя на калькулятор, что упрощает
и ускоряет процесс измерения экс-
позиции.

Угол восприятия уменьшен до 20°.

В комплекте фотоэкспонетра — приставка,
позволяющая использовать в качестве источника
питания элемент «316».

Широкий диапазон работы, высокая точность
при малых габаритах, универсальность питания,
два метода измерения экспозиции — все это
делает фотоэкспонетр «СВЕРДЛОВСК-4» на-
дежным помощником фотографа.

Цена — 47 руб.

**ЦРКО «РАССВЕТ»
Центральное рекламное агентство
«РЕКЛАМА»**